

Глава 1

Отделение от женского начала

Мать олицетворяет жертву в нас, несвободную женщину, мученицу. Кажется, наши личности опасно размываются и пересекаются с нашими матерями, и в отчаянной попытке понять, где заканчивается мать и начинается дочь, мы рубим себя пополам.

Адриенна Рич. Рождение женщины (Of Woman Born)

И историки материнства, и сторонники психодинамической теории* напоминают нам, что со времен промышленной революции именно матерей считали ответственными, прославляли и ругали за то, каким стал их ребенок⁹. Мать рассматривается как основная причина развития позитивных или негативных черт ребенка, независимо от того, насколько ее уважают в конкретной семье или культуре. Общество возлагает на нее огромную ответственность, но не дает ей финансовой поддержки, авторитета и признания, приличествующих работе, которая настолько значима для культуры. Премию «Оскар» за воспитание детей не вручают. Мы не спешим признавать заслуги матери, но быстро обвиняем ее во всех бедах общества. Как-то

* Психодинамическая теория отстаивает идею о том, что поведением человека управляют бессознательные мотивы. *Прим. пер.*

в Лос-Анджелесе состоялся суд, на котором матери осужденного члена банды из неблагополучного района предъявили уголовное обвинение за «отсутствие правильного материнского воспитания». При этом никто не упомянул об отсутствии правильного отцовского воспитания, образования, жилья или возможности расти в здоровом и безопасном обществе.

Наше общество андроцентрично: оно смотрит на мир с мужской точки зрения. За интеллект, целеустремленность и надежность мужчины вознаграждаются положением, авторитетом и финансовым благополучием. Женщинам, конечно, тоже кое-что перепадает, но ощутимо меньше. Если они будут смотреть на себя мужскими глазами и постоянно оценивать себя по стандартам мужской культуры, то обнаружат, что им недостает качеств, которые ценит противоположный пол. Женщины никогда не станут мужчинами, а те, кто пытается быть «не хуже мужчин», вредят своей природе. Они начинают оценивать себя с точки зрения того, чего у них нет или чего они не достигли, и в итоге недопонимают и обесценивают себя¹⁰. Обесценивание женщин начинается с матери.

Согласно Кэмпбеллу, задача настоящего героя — разрушить установленный порядок и создать новое общество. При этом он убивает дракона старого порядка — Твердолобого хранителя прошлого¹¹. На культурном уровне установленный порядок основан на глубоко укоренившихся патриархальных ценностях, подразумевающих доминирование и контроль более сильных, громогласных и влиятельных мужчин. Оба пола сегодня бросают вызов патриархальному языку, мышлению, экономическим, политическим,

социальным, религиозным и образовательным структурам и создают новые формы. Но на личностном уровне старый порядок воплощен в матери, и первая задача героини на пути к индивидуации — отделиться от нее.

Дочь может проходить этот процесс расставания всю жизнь, и некоторые переживают разрыв особенно тяжело. Чтобы дистанцироваться от матери и *материнской власти*, героиня порой отторгает все женские качества, которые искажены культурными стереотипами и считаются неполноценными, пассивными, зависимыми, манипулятивными и слабыми*.

Стремление сепарироваться от матери определяется тем, насколько та олицетворяет патриархальные ценности, ограниченность своей роли и глубоко укоренившееся чувство неполноценности. Проходя все этапы развития и осознавая корни обесценивания женского начала в своей культуре, женщина начинает понимать, что не мать стала причиной ее чувства неполноценности. Просто дочерям удобно обвинять своих мам в собственной низкой самооценке в культуре, прославляющей мужское начало.

Правда в том, что наши матери — а до них и их матери — были, как жена Лота, пленницами образа, проецируемого на них мужчинами. У женщин, ставших матерями

* Термины *женское* и *мужское* используются для описания принципов человеческого существования, воплощаемых обоими полами. Западная культура часто использует понятие *женское*, чтобы олицетворять слабость, а *мужское* — силу. Но эти слова должны обозначать качества, присущие всем людям, независимо от пола. Цель женщины — определить для себя способ существования без ограничений, налагаемых такими определениями.

в 1940-х и 1950-х, было не так много возможностей добиваться своих целей. Ими манипулировали, их сдерживали и подавляли с помощью рекламы, корсетов и седативных препаратов. А задачей их дочерей стало обнаружить и залечить женские раны.

ОТКАЗ ОТ ЖЕНСКОГО НАЧАЛА

Мэри Линн поступила в женский колледж, решив изучать высшую математику. В 1950-х ее вдохновил запуск «Спутника-1» и призыв к американским школьникам изучать математику и естественные науки. Но на самом деле Мэри Линн выбрала математику, поскольку в то время в этой области женщин было мало. «Мои подруги не интересовались математикой, а я хотела отличаться от них. Большинство девочек изучали литературу, а я терпеть не могла анализировать сюжеты и персонажей. Я устала слушать советы стать медсестрой или учительницей, чтобы иметь “запасной план”, если мой будущий муж станет инвалидом. Я не думала о будущем муже и, конечно, не желала иметь никаких запасных планов! Мне хотелось сделать что-то важное в сфере точных наук. Я была полна юношеского идеализма. А еще мечтала доказать отцу, что я ничем не хуже сына, рождения которого он ждал, но так и не дождался».

Мэри Линн даже не приходило в голову, что у нее может не хватить способностей к высшей математике, несмотря на низкие баллы и совет консультанта в колледже специализироваться на английском языке. Она опешила, когда в конце второго курса декан посоветовал

ей выбрать другую специальность, объяснив это низкой успеваемостью. «Я была опустошена, — вспоминает она. — Помню, как ошеломленная вышла из кабинета и подумала: “Вот и все, теперь я девчонка”. Проще говоря, я думала, что математика спасет меня от типичной женской участи».

Мэри Линн отвергала все, что ассоциировалось с женственностью, поскольку не хотела ничем напоминать свою мать-домохозяйку, которую считала разочарованной, чрезмерно контролирующей, злой и суровой. «Я никогда не ладила с матерью. Думаю, она завидовала мне, поскольку я хорошо училась в школе и у меня, в отличие от нее, были возможности получить высшее образование. Я не хотела стать такой же. Я мечтала походить на отца, которого считала мягким, успешным и довольным своей работой. Мама никогда не была счастлива. В то время мне и в голову не приходило, что его успех был достигнут за ее счет или что ее ненависть к себе и неоднозначные наставления дочерям были вызваны тем, как общество относилось к женщинам».

Мэри Линн начала понимать, как полное отождествление с мужскими ценностями повлияло на ее представление о себе как о женщине и отношение к другим представительницам ее пола. «Я смотрела на других женщин свысока, желала мыслить как мужчина. Но, конечно, я ненавидела себя как женщину. В стремлении отождествиться с мужчинами я отгородилась от большей части себя. Я решила, что все стоящее должно быть сложным, конкретным и поддающимся количественной оценке. Теперь я понимаю, что, отвергая женственность в позднем подростковом возрасте,

я препятствовала своему взрослению, отрицала собственные навыки и игнорировала то, что доставляло мне удовольствие».

В 42 года ей приснился такой сон: «Я в Шотландии, сижу на заднем сиденье автобуса, который ездит по кругу, а я засыпаю и просыпаюсь. Мы едем по улице Несгибаемых. Уже без четверти девять вечера, но на улице все еще светло. Небо озарено северным сиянием».

Анализируя сон, Мэри Линн сказала: «Я понимаю, что улица Несгибаемых отражает мою жизненную позицию. Много лет я стойко сопротивлялась всему, что считалось женским. Когда у меня не заладились отношения с математикой, я занялась благотворительными мероприятиями по сбору средств. Я научилась соревноваться, бороться за власть и играть по мужским правилам, но не умела расслабляться, заботиться о себе или наслаждаться жизнью. Друзья называют меня трудоголиком, а я отвечаю, что ничего не могу с собой поделать, так уж я устроена. Что ж, наверное, с меня хватит. Я больше не хочу ездить по улице Несгибаемых. Я пожертвовала отношениями с матерью, сестрами и собой, чтобы быть героиней в мире мужчин. Пора вернуться к тому, что действительно важно».

ПУТЕШЕСТВИЕ НАЧИНАЕТСЯ: ОТДЕЛЕНИЕ ОТ МАТЕРИ

Путешествие начинается со стремления героини отделиться физически и психологически от родной матери и материнского архетипа, который имеет еще большую власть.

Архетип этот часто называют бессознательным, особенно его аспект, включающий тело и душу. Образ матери — не только аспект личного бессознательного, но и символ всего коллективного бессознательного, содержащего в себе единство всех противоположностей¹².

Расставание с родной матерью — особенно сложный процесс для дочери, поскольку ей приходится отделяться от такой же, как она сама. Дочь испытывает страх потери, беспокойство, что она одинока и отличается от родственницы по женской линии. Сепарация от матери происходит сложнее у женщин, потому что девочка «должна отличать себя от материнской фигуры, с которой отождествляется, а ребенок мужского пола — от материнской фигуры, чьи качества и поведение его учили отвергать в себе, чтобы стать мужественным»¹³.

Многие дочери сталкиваются с конфликтом между стремлением жить свободнее, чем мать, и желанием получить ее ласку и одобрение. Они хотят превзойти мать, но боятся потерять ее любовь. На первых порах переезд может стать единственным способом разрешить противоречие между потребностью повзрослеть и желанием угодить матери. Девочки усвоили миф о неполноценности женщин и поэтому больше, чем мужчины, нуждаются в одобрении и положительной оценке. Им трудно противостоять родительскому недовольству: «...независимость девочек — поскольку она неожиданна, — скорее всего, будет истолкована как неприятие родителей, в отличие от более ожидаемого бунта мальчиков»¹⁴. Это первое расставание «часто ощущается скорее как расчленение, чем как освобождение»¹⁵.

Поэтому многие девушки приписывают своим матерям образ архетипической мстительной, властной и хищной женщины, которую они должны отвергнуть, чтобы выжить. Настоящая мать может воплощать в себе эти качества, а может и не воплощать, но дочь усваивает их как образ внутренней матери. Согласно Юнгу, внутренняя мать начинает функционировать в нас как теневая фигура, произвольный шаблон, неприемлемый для нашего эго. Мы не можем принять это в себе, поэтому проецируем на других¹⁶.

Образ великана, который пренебрегает дочерью или держит ее в плену, проецируется на мать. Злой великан-мачеха, как в сказке «Гензель и Гретель», становится ведьмой и встречает смерть в печи. Отношения матери и дочери и их разлука настолько сложны, что в большинстве литературных произведений, написанных женщинами, и сказок мать отсутствует, мертва или предстает злодейкой¹⁷.

УЖАСНАЯ МАТЬ И НЕГАТИВНОЕ ЖЕНСКОЕ НАЧАЛО

Существует два противоположных варианта архетипа матери: Великая Мать, олицетворяющая безграничную заботу, поддержку и защиту, и Ужасная Мать, воплощающая застой, удушье и смерть. Эти модели — составляющие человеческой психики, которые формируются в ответ на типичную зависимость в младенчестве и детстве¹⁸. Обычно мать — основной объект зависимости младенца,

а его задача состоит в том, чтобы перейти от симбиотических отношений к разделению, индивидуализации и независимости. Если ребенок воспринимает мать как источник заботы и поддержки, он будет считать ее позитивной силой; если как пренебрежительную или подавляющую, то она станет для него угрозой.

В зрелом возрасте многие люди воспринимают женскую силу и нередко собственных матерей в рамках архетипа Ужасной Матери¹⁹.

Они не видят ее жизнь в контексте исторического периода, ее семейного статуса и возможностей, доступных во времена ее юности. Ее недостатки становятся частью внутренней негативной матери.

Когда-то напористые, требовательные и целеустремленные женщины изображались хищными стервами, а те, кто жаловался на отсутствие возможностей, считались пассивными плаксами. Иные дочери, которых матери научили всегда уступать и ненавидеть себя, теперь из всех сил пытаются освободиться от этого пагубного образа. Девушка берет с матери пример в том, что значит быть женщиной, и, если мать бессильна, дочь чувствует себя униженной из-за того, что она женщина. В своем желании не быть похожей на мать она может стремиться к власти за счет других потребностей. «Многие дочери гnevаются на мать за то, что она слишком легко и пассивно принимала все происходящее»²⁰. Пока дочь не осознает суть этой бессознательной реакции, она будет *сердиться* на мать.

Девушка убегает от хищной матери, которая из-за зависти к талантам и возможной свободе дочери пытается

заочить ее в тюрьму. Она дистанцируется от чрезмерно осуждающей, суровой и неподдерживающей родительницы. Она избегает архетипа матери-мученицы, положившей жизнь на алтарь служения супругу и детям. Горечь женщины по поводу крушения ее мечтаний может вылиться в ярость или пассивно-агрессивное поведение по отношению к дочери, у которой было больше возможностей. Мать, соответствующая стереотипу злой, истеричной женщины, которая швыряет тарелки в стену, видя, как ускользает ее жизнь, олицетворяет богиню Кали, преисполненную разрушительной ярости.

Кали Ма, индуистская тройственная богиня созидания, сохранения и разрушения, известна как Темная Мать. Она — основной архетипический образ Матери, олицетворяющей рождение и смерть, утробу и могилу, дающей жизнь своим детям и забирающей ее. Это древний символ женского начала, представленный в тысячах разных обликов²¹. Согласно Марии Гимбутас и Мерлину Стоуну, матриархальные религии подавлялись и обесценивались патриархальными на протяжении последних 6500 лет²². Силу Кали загнали в подполье точно так же, как подавили многие женские таланты, навыки и энергию, ведь женщины смирились с гендерными ролями, приводящими их к депрессии. Ярость Кали, если ее не выразить или не придать ей созидательную форму, превращается в темный, всепоглощающий застой непрожитой жизни.

Большинству женщин не терпится отдалиться от сердитой матери. Все мы хоть раз слышали от знакомых: «Я не хочу быть похожей на свою мать. Даже внешне». Некоторые женщины боятся не только походить на мать, но

и *стать ею**. *Матрофобия* настолько глубоко укоренилась в нашей культуре, что мать часто чувствует себя отвергнутой, недооцененной и брошенной, когда дети вырастают и покидают дом.

ПОКИНУВШАЯ МАТЬ

Отказ от матери может восприниматься как предательство не только по отношению к ней самой, но и к дочери. «Первое, что любая женщина узнаёт о тепле, еде, нежности, безопасности, чувственности, взаимности, исходит от матери. Это самое раннее слияние одного женского тела с другим рано или поздно отвергается, ощущается как удушающее собственничество, отторжение, ловушка или табу, но поначалу оно олицетворяет собой весь мир»²³.

Многие женщины испытывают сильное желание порвать с матерью, но при этом ощущают острое чувство вины за то, что превзошли ее. Так, двадцатипятилетняя Сьюзен построила успешную карьеру и поддерживает теплые отношения с мужчиной, за которого вскоре выйдет замуж. Ее мать 17 лет в разводе и никогда не испытывала удовольствия от выбранной профессии. Не имея мужа, она упорно трудилась, чтобы прокормить детей, но всегда искала высокооплачиваемую работу, а не личную самореализацию.

* Термин «матрофобия» придуман поэтессой Линн Сукеник; означает боятся не походить на мать, а стать ею. См.: Rich A. *Of Woman Born*. P. 237.

Теперь, прожив более полувека, мать Сьюзен утратила цель жизни и находится в депрессии. Это влияет на выбор девушки: расширять бизнес или заводить ребенка. Она считает, что никогда не сможет быть довольной или успешной, пока мать не обретет счастье и достаток, и ее возмущает нежелание родительницы устроить свою жизнь.

«Я всегда чувствовала, что не смогу быть счастливой, пока мама не наладит свою жизнь, — говорит Сьюзен. — Она живет с моей сестрой, не в состоянии обеспечить себя финансово и эмоционально, не думаю, что она когда-нибудь будет счастлива. Я чувствую вину за то, что у меня хорошие отношения с женихом, и понимаю, что сдерживаю себя в бизнесе, чтобы не выглядеть слишком успешной. С одной стороны, я хочу показать ей, что могу сделать то, чего не смогла она, а с другой — уверена, что мой успех убьет ее».

Каждый раз, когда Сьюзен звонит матери и рассказывает о новом клиенте, та меняет тему разговора и обсуждает ее сестру или племянников. Сьюзен не хватает внимания и похвалы мамы. Девушка сожалеет, что никогда не сможет поделиться с ней своими достижениями или счастьем. При этом она чувствует, что предала мать, поскольку превзошла ее. Она ощущает вину за свой успех и злится из-за неудач матери. Сьюзен испытывает тревогу из-за того, что она не такая, как мать. В прошлом чувство вины и гнев приводили к депрессии, но теперь у нее есть мотивация воспринимать мать как отдельную личность и принимать ее выбор с учетом жизненных обстоятельств.

Многие женщины отдаляются от матерей из-за неспособности последних поддержать индивидуализацию

и успех дочери. Харриет Лернер описывает свою клиентку, мисс Джей, чья мать из-за мигрени не смогла присутствовать на церемонии вручения дочери диплома с отличием по окончании колледжа. Когда мисс Джей сказала матери, что подумывает о получении степени магистра, та сменила тему и принялась обсуждать дочь подруги, только что поступившую в медицинский колледж²⁴. Мать не хотела признавать компетентность своей дочери или слышать о ее целях на будущее, поскольку это лишь свидетельствовало о ее собственной неполноценности.

К сожалению, такое часто встречается. «Мать, которой препятствовали в саморазвитии и росте, может игнорировать или недооценивать достижения дочери или, наоборот, побуждать ее быть “особенным” или “одаренным” ребенком, чтобы приписать ее успехи себе»²⁵. Многие матери дают дочерям противоречивые и двусмысленные наставления, например: «Не будь такой, как я, но будь похожей на меня» или «Будь успешной, но не слишком». Неудивительно, что те отвергают женское начало в пользу мужского, которое вроде бы ценит их независимость и успех.

РАССТАВАНИЕ С ДОБРОЙ МАТЕРЬЮ

Пожалуй, труднее всего расстаться с веселой, заботливой, поддерживающей, позитивной матерью. Это сродни уходу из райского сада, от невинности, привязанности и комфорта в мир неопределенности. Но даже хорошая мать, положительный пример для подражания, может неосознанно заманить дочь в ловушку. Если девушка видит в ней

божество, с которым волей-неволей сравнивает себя, ей, возможно, придется отречься от матери, чтобы обрести себя²⁶.

Элисон уже почти тридцать, она из состоятельной семьи, живущей в Новой Англии. Ее мать — успешный банкир, активный общественный деятель и любящий человек. Она поддерживала Элисон во время обучения в престижном вузе и одобрила ее переезд на Западное побережье США для изучения актерского мастерства. Элисон ужасно скучает по ней, но не хочет жить в том же городе, в тени своей матери. Она больше не желает слышать, как ее сравнивают с мамой, или ощущать вину за то, что сама она другая. После каждого телефонного разговора Элисон испытывает глубокое чувство утраты былой близости и переживает, что выбрала карьеру, прямо противоположную стабильной жизни ее матери. В попытке отделиться Элисон начала осознавать глубину и структуру эмоций, необходимых для актерской игры. Это болезненное расставание стало важным первым шагом в раскрытии ее талантов.

Многие женщины боятся термина «женское начало», как будто это что-то плохое. Некоторые считают, что в нем заложена обязанность заботиться о других. Общество побуждает женщин жить ради других, а не искать самореализации. Пятидесятилетняя Кэтрин признаётся: «В детстве нам показывали женщину либо как сексуальную Мэрилин Монро, либо как бескорыстную кормилицу семьи. В итоге все сводилось к Большим Сиськам. Я боюсь, что, если во мне будут видеть женское начало, я потеряю независимость и меня используют в чужих интересах».

Отрицание женственности таит в себе опасность. Порой дочь, отвергая аспекты негативного женского начала, воплощенные в ее матери, отбрасывает и хорошие качества собственной женской натуры — чувственные, страстные, заботливые, интуитивные и творческие. Многие женщины, которых воспитывали сердитые или эмоциональные матери, стремятся контролировать свои чувства, чтобы их не считали вредными брюзгами. Такое подавление гнева часто мешает им увидеть несправедливость в мужском мире. Женщины, которые считали своих матерей суеверными, религиозными или старомодными, отказываются от мрачных, таинственных, магических аспектов женского начала в пользу холодной логики и анализа. Между героиней и материнскими качествами внутри нее возникает пропасть, которую придется преодолевать в путешествии, чтобы обрести целостность.

НЕПРИЯТИЕ ЖЕНСКОГО ТЕЛА

Мама.
Я пишу домой.
Я одинока,
верни мне мое тело.

*Сьюзан Гриффин.
Мать и дитя
(Mother and Child)*

Когда девочка достигает половой зрелости и открывает в себе сексуальность, мать может отвергать, высмеивать ее изменившееся тело или завидовать ее молодости и привлекательности. У девушки рождается чувство стыда,

соперничества. Многие девочки воспринимают страх матери перед ними как признак борьбы за внимание отца.

Отец девочки тоже может испытывать дискомфорт из-за сексуальности дочери и проводить с ней все меньше времени. Она испытывает традиционный комплекс мадонны/блудницы: отец воспринимает ее как запретный плод, а мать — как соперницу. Чтобы не вызывать неудовольствия родителей, девушка порой подавляет свою зарождающуюся сексуальность до тех пор, пока не покинет стены родного дома. Или она может настолько испугаться своей привлекательности, что выйдет замуж за первого мужчину, в которого влюбится. И мать, и отец имеют власть над ее телом.

Я подозреваю, что это начало отказа женщины от своей инстинктивной телесной мудрости. Чаще всего тело дает знать, когда что-то в жизни идет не так. Игнорируя его подсказки, женщина жертвует интуицией в пользу разума.

Когда девочка-подросток замечает, что родителям некомфортно из-за внешних признаков ее усиливающейся сексуальности, она может отвергнуть свое меняющееся тело. Порой переедает, чтобы заглушить чувство неполноценности, злоупотребляет алкоголем или пускается во все тяжкие, чтобы облегчить тревогу и боль от того, что ее не принимают. Она теряет способность осознавать пределы возможностей своего тела, испытывая боль от раскола между ним и разумом. Доступ к своей духовности можно получить через осознание тела, поэтому его отрицание тормозит духовное развитие. А женщины игнорируют интуицию и сны в пользу более безопасных логических рассуждений.

Сорокалетняя Сара — кандидат наук, специалист по антропологии. Обратившись к терапевту, она пожаловалась на периодическую невыносимую боль в боку. Врач ответил, что физически с ней все в порядке. Но Сара не могла двигаться несколько дней подряд. Мы вместе выполнили упражнения на расслабление, чтобы снять стресс, связанный с написанием диссертации, а затем я предложила ей поработать с образами: расспросить ее внутреннего ребенка о том, что происходит в ее теле.

Сара ощутила себя девочкой девяти лет. Эта часть ее души захотела выйти на улицу и поиграть в детском городке. Сара двадцать минут весело развлекалась со своим внутренним ребенком, а затем вернулась в офис и разрыдалась. Она осознала, что в стремлении построить научную карьеру утратила игривость своей натуры. Сара призналась, что всего добивалась сама. Она состояла в прекрасных отношениях, но вторая половина переехала за тысячи километров, на Аляску, и теперь Сара, сильная женщина, «добивается успеха» самостоятельно. Она не хотела быть похожей на свою маму, зависеть от супруга. Но у нее все еще болит левый бок. Я спросила ее, что говорит ее тело.

Она ответила: «Я отрекаюсь от очень большой части себя — не только от внутреннего ребенка, которому когда-то нравилось играть, но и от той части моего взрослого “я”, которая подпитывается силой от природы. Я люблю походы, но вечно нет на это времени. Еще я люблю детей, но так их и не родила. Учеба не позволяла заниматься тем, что мне нравится. Я стала сильной женщиной, но мне не о ком заботиться, у меня нет знаний или воспоминаний о том, как

заботиться о себе. Я боюсь, что, если попрошу родных или друзей о поддержке, они сочтут меня слабой». Поскольку женщин считают манипуляторшами или слабохарактерными, если те признают ограничения своего тела, они научились преодолевать боль, чтобы не отставать от мужчин. Женское тело всегда было одновременно объектом желания и презрения.

Неприятие женского тела в нашей культуре берет начало в Ветхом Завете, изображающем Еву соблазнительницей. Более пяти тысяч лет оно подкреплялось запретом на женскую сексуальность в религиях, где доминируют мужчины. Пол использовался как предлог для недопуска к власти в политике и религии.

Художница Шери Галк выросла в религиозной среде, где доминировали мужчины и божества мужского пола. В четыре года она поняла, что тело определяет ее судьбу. «Мои отец, дед, прадед и брат — лютеранские священники. Брат принадлежит к четвертому поколению священнослужителей. В четыре года я поняла, что не смогу пойти по стопам отца, потому что родилась девочкой. Тогда мне стало ясно, что христианство предало меня из-за моей плоти. Тут дух и плоть разделены. Женщины — плоть, а бог-мужчина — дух. Единственный способ обрести дух — отречься от плоти, превзойти ее и умереть. Но я не верю, что это сработает»²⁷.

Мать была невидимкой в жизни этой женщины. «Все мои работы посвящены отцу, я пыталась вернуть силу, которую у меня отняли мужчины. Я черпаю вдохновение в движении за женскую духовность, потому что с Богиней я могу отождествлять себя. Ее тело и мое — одно целое, ее сила и моя едины. И мужчины не могут отнять этого»²⁸.

ОТВЕРГНУТАЯ МАТЕРЬЮ

Женщина, ощутившая себя отвергнутой матерью из-за передачи под опеку в другую семью, болезни, депрессии или пристрастия к алкоголю, будет чувствовать себя брошенной и продолжать искать то, чего у нее никогда не было. Она может всю жизнь оставаться «дочерью», жаждущей одобрения, любви, внимания и принятия от матери, неспособной дать это. Если мать либо отсутствует, либо слишком занята, чтобы заботиться о дочери, та порой отправляется на поиски положительного образца для подражания: возможно, женщины постарше, с которой можно сблизиться.

Лайла, темнокожая женщина лет сорока, вспоминает, что ее мать выбивалась из сил, занимаясь воспитанием детей, и не замечала ее. «Она все время была измотана, не могла уделить мне внимание. Но моя тетя Эсси разглядела меня. Она поняла, кто я. Она сказала мне, что я особенная. Тетя Эсси дала мне надежду, научила верить в себя. Каждый раз, когда она смотрела мне в глаза, я чувствовала себя прекрасной. Она говорила: “Девочка, ты многого добьешься. Ты особенная”. Мне не терпелось поскорее уйти из дома, чтобы доказать ее правоту».

Если женщина чувствует отчуждение или отвержение матери, она может отказаться от женского начала и искать признания у отца и патриархальной культуры. Мужчины сильные, поэтому женщины обращаются к ним за поддержкой. Героиня начинает отождествлять себя с могущественным, всезнающим мужчиной. Сначала она знакомится с играми отцов, стратегиями соперничества, победы

и достижений. Затем пытается доказать, что может соответствовать стандартам, разработанным мужчинами по их образу и подобию. Однако, независимо от результатов, она обнаруживает, что ее по-прежнему недооценивают и перегружают работой*. Она начинает задаваться вопросом: что не так с женскими ценностями?

По словам аналитического психолога Джанет Даллетт, «коллективное сознание культуры, утверждения, доминирующие в наших ценностях, восприятии и выборе, по сути мужское. Коллективное бессознательное патриархального общества, источник его чаяний, опирается не на

* Согласно исследованию Rand Corporation, опубликованному в феврале 1989 года и указанному в статье *Women Narrowing Wage Gap, but Poverty Grows, Study Finds* (Sacramento Bee Final, 8 февраля 1989 года), заработная плата всех работающих женщин выросла с 60 до 65% в отношении с мужской с 1980 по 1986 год. У женщин от 20 до 24 лет она увеличилась с 78% от зарплаты мужчин до 86%. Тогда считалось, что к 2000 году гонорары женщин будут составлять 74% от зарплат мужчин. Женщины чаще бедны из-за более низкой оплаты труда и отсутствия партнеров. В 1940 году только в одной из десяти семей женщины были главами. К 1980 году этот показатель увеличился на 40% (почти в каждой седьмой семье главной была женщина); 62% взрослых бедняков были женского пола. Разница в доходах мужчин и женщин не приводила к гендерным различиям в статистике бедности в полных семьях. Все изменилось с ростом числа разводов и сожительства без брака (и количества матерей-одиночек).

В исследовании «Работающие семьи и революция в доме», опубликованном в книге «Вторая смена» (издана на русском языке: М.: Изд. дом ВШЭ, 2020), социолог Арли Хокшильд обнаружила, что женщины выполняют большую часть домашних и родительских обязанностей, фактически трудясь за двоих. По ее расчетам, проведенным за 8 лет, в среднем американские женщины в 1970-е и 1980-е работали примерно на 15 часов в неделю дольше, чем мужчины. За год это целый месяц 24-часовых рабочих дней. Только женщины, которые зарабатывали больше мужей, выполняли менее половины работы по дому.

рациональные ценности и поэтому имеет женский (матриархальный) уклон. Творческие личности сегодня вынуждены отказаться от патриархального мышления и окунуться в мрачное царство матерей, чтобы воплотить то, что рождается в сознании новой эпохи»²⁹.

На этом этапе пути женщина может попытаться залечить первоначальный разрыв с матерью и восстановить отношения в более широком смысле. Она будет искать богинь, героинь и творческих людей, с которыми сможет отождествить себя и которые расскажут ей о женской силе и красоте и обогатят ее опытом обретения авторитета³⁰. И она найдет исцеление в Великой Матери. Кэти Карлсон пишет: «Независимо от того, воспринимаем ли мы Богиню как некое Существо или энергию внутри женщин, этот образ — признание женской силы, не зависящей от мужчин и не вытекающей из патриархального представления о нас... Богиня отражает то, чего не хватало нашей культуре: позитивные образы силы, тела, воли, матерей. Смотреть на Богиню — значит вспоминать себя, представлять себя целостной»³¹.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

